

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-673-683>

Научная статья / Research article

Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытка создания Колонизационного банка в 1914–1915 гг.

М.В. Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; m.khodyakov@spbu.ru

The Manchurian Agricultural Society and Attempts to Establish a Colonization Bank in 1914–1915

Mikhail V. Khodjakov

Saint Petersburg State University;
7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia; m.khodyakov@spbu.ru

Аннотация: В статье на основе материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и ряда других источников рассматриваются малоизвестные страницы деятельности Маньчжурского сельскохозяйственного общества (МСХО). Основанное в Харбине в 1912 г., оно активно включилось в процесс, направленный на освоение плодородных земель вдоль полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Особо отмечается, что руководство Общества выступило с планами колонизации Северной Маньчжурии, территория которой принадлежала Китаю. Под таким углом зрения деятельность МСХО ранее не рассматривалась в историографии. Ему приписывалась роль проводника российских сельскохозяйственных знаний, подчеркивалась важность подготовки специалистов для сельского хозяйства в Маньчжурии и агротехническое просвещение населения, проживавшего вдоль линии Китайско-Восточной железной дороги. До момента вступления России в Первую мировую войну МСХО имело некоторые шансы на поддержку своего проекта в торговых и промышленных кругах, которые были заинтересованы в усилении русского влияния на северо-востоке Китая. Автором отмечается, что серьезные корректировки в деятельности МСХО были обусловлены той политической конъюнктурой, которая складывалась на международной арене в 1914–1915 гг. Правительственные круги России были заинтересованы в сохранении дружественных отношений со своими восточными соседями – Китаем и Японией. Показано, что в изменившихся условиях, не получив поддержки со стороны российского правительства и Приамурского генерал-губернатора, Общество сумело скорректировать направление своей деятельности. Его руководство сконцентрировало усилия на попытках создания специального Колонизационного общества и субсидирующего его Колонизационного банка, средства которого должны были складываться из акционерного капитала, облигаций и субсидий казны. Целью нового Общества и банка провозглашалась поддержка экономических начинаний России на Дальнем Востоке – организация сельскохозяйственных и промышленных предприятий, оказание им финансовой и технической помощи. Однако неудачно складывавшаяся для России Первая мировая война не позволила осуществиться этим планам, и проблемы колонизации края решены не были.

Ключевые слова: Маньчжурское сельскохозяйственное общество, Китайско-Восточная железная дорога, колонизационный банк, экономика Дальнего Востока

Благодарности и финансирование: Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)».

© Ходяков М.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Ходяков М.В.* Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытки создания Колонизационного банка в 1914–1915 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 673–683. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-673-683>

Abstract: Based on materials from the Russian State Historical Archive of the Far East and a number of other sources, the present article examines the activities of the Manchurian Agricultural Society (MAS). Founded in Harbin in 1912, MAS was actively involved in the developing of fertile land along the Sino-Eastern Railway (Kitaisko-vostochnaia zheleznaya doroga) strip. As the article points out, the leadership of the Company also came up with plans for the colonization of Northern Manchuria, the territory of which belonged to China. So far historians never considered the activities of MAS from this angle; MAS has so far been credited with the role of a conductor of Russian agricultural knowledge, through training specialists for agriculture in Manchuria and offering agro-technical education to the population living along the Sino-East Railway. Until Russia entered the First World War, MAS had some chances of obtaining support for its project in commercial and industrial circles, which were interested in strengthening Russian influence in northeast China. The author notes that serious adjustments in the activities of MAS were due to changes in the international political situation in 1914–1915. Circles in the Russian government were interested in maintaining friendly relations with their eastern neighbors, China and Japan. It is shown that in the changing political environment, without receiving support from the Russian government and the Governor-General of the Amur Province, the Company was able to redirect its activities. Its leadership concentrated on trying to create a special Colonization Society and a subsidizing Colonization Bank, whose funds were to be composed of shares, bonds, and treasury subsidies. The goal of this new Society and the Bank was to support Russia's economic undertakings in the Far East – the organization of agricultural and industrial enterprises, and the provision of financial and technical assistance to them. However, the First World War, which went very badly for Russia, did not allow for a realization of these plans. The problems of the colonization of the region were not resolved.

Keywords: Manchurian Agricultural Society, Sino-Eastern Railway, Colonization Bank, Far East Economy

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)”.

For citation: Khodjakov, Mikhail V. “The Manchurian Agricultural Society and Attempts to Establish a Colonization Bank in 1914–1915.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 673–683. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-673-683>

Введение

Проникновение России на северо-восток Маньчжурии, начавшееся в конце XIX в. со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), спровоцировало активное обсуждение вопроса о геополитических интересах государства. Свои мысли по данной проблеме излагали не только литераторы и публицисты, предлагавшие в условиях роста территориальных appetites империи различные формы контроля над Северной Маньчжурией, принадлежавшей Китаю. У военных и государственных деятелей был свой подход к обустройству дальневосточных рубежей России, продиктованный ожиданием грядущих вооруженных столкновений¹.

Современные исследователи не обошли вниманием вопросы, связанные с колонизацией дальневосточных окраин России². При всем разнообразии существую-

¹ *Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д. И. Суботича к Военному министру А. Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель, 1908; *Деникин А.И.* Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава, 1908; *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910. СПб., 1912; *Куропаткин А.Н.* Китайский вопрос. СПб., 1913.

² *Зиновьев В.В.* Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVIII – начале XX вв. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 26–34; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008; *Шиловский М.В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим:

щих мнений и точек зрения на будущее российского Дальнего Востока очевидно одно – в начале XX столетия край переживал тяжелые времена.

Одним из путей решения комплекса социальных и экономических проблем региона представлялось создание специального Колонизационного банка. Эту идею вынашивали не только представители торговых и промышленных кругов, но и представители образованного в Харбине на рубеже 1911–1912 гг. Маньчжурского сельскохозяйственного общества (МСХО), полагавшие, что рост торговли и промышленности в крае зависит исключительно от успехов сельского хозяйства³. Деятельность МСХО в отечественной историографии рассматривалась исследователями преимущественно через призму его вклада в распространение русскими учеными аграрных знаний, подготовку специалистов для сельского хозяйства в Маньчжурии, осуществление миссии по агротехническому просвещению местного населения⁴. Между тем сохранившиеся документы свидетельствуют и о планах Общества по колонизации Маньчжурии.

Рождение идеи создания Колонизационного банка

30 января 1913 г. председатель Владивостокского Биржевого комитета обратился с телеграммой на имя Председателя Совета министров, указывая на разразившийся в регионе финансово-экономический кризис, способный привести российскую дальневосточную окраину к экономической катастрофе. 11 марта эта информация была заслушана на заседании Совета министров, который высказался за необходимость выработки комплекса мер и обсуждения их в междудеятельном совещании по делам Дальнего Востока, учрежденном под председательством Приамурского генерал-губернатора. Вслед за этим в подготовленной для междудеятельного совещания справке была отмечена «неустойчивость политического положения» России на Дальнем Востоке. Одной из мер, призванных вывести регион из кризисного состояния, виделась организация Колонизационного банка, деятельность которого предполагалось направить «...не только на поднятие и упрочение сельскохозяйственных промыслов, но и на развитие его добывающей и обрабатывающей промышленности»⁵.

Маньчжурское сельскохозяйственное общество предполагало решить проблему посредством освоения богатых земель в полосе отчуждения КВЖД. Поскольку

исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2008. С. 648–653; *Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 191–203; *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013; *Заколотная А.С.* Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток, 2015. С. 99–119; *Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О.* Дискуссии об экономическом развитии Китайской Восточной железной дороги после Русско-японской войны // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 581–592; *Ходяков М.В.* «Желтороссия» конца XIX – начала XX веков в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.

³ К истории Маньчжурского Сельск.-Хоз. О-ва // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 1. С. 6–10.

⁴ *Хисамутдинов А.А.* Естественнонаучные исследования русских ученых-эмигрантов в Северном Китае (первая половина XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2016. № 1. С. 99–107; *Белоглазов Г.П.* Научно-образовательная деятельность аграрных обществ в Маньчжурии в первой трети XX столетия // Образовательный потенциал Тихоокеанской России. XVIII–XXI вв. (Восьмые Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток, 2017. С. 238–245.

⁵ *Троицкая Н.А.* Справка по вопросу о мерах для устранения финансово-экономического кризиса в Приамурье // Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1865–1925 гг.: Документы и материалы. Владивосток, 2012. С. 374.

Общество было утверждено 20 марта 1912 г. Особым Советом при управлении КВЖД, оно имело определенную поддержку руководителей дороги и ряда известных общественных деятелей. Почетным председателем Совета МСХО стал управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват, а почетными членами – товарищ председателя правления Общества КВЖД, тайный советник инженер А.Н. Вентцель, жена управляющего КВЖД К.А. Хорват, помощник управляющего по общим вопросам М.Е. Афанасьев, первый заместитель управляющего дорогой инженер князь С.Н. Хилков, главный контролер КВЖД М.И. Мещерский, председатель Харбинского городского совета М.С. Уманский, а также крупный естествоиспытатель К.А. Тимирязев⁶. К моменту, когда в ноябре 1913 г. структура и состав Общества приобрели вполне определенные очертания, его деятельность возглавил ученый-агроном, автор ряда работ о сельском хозяйстве и климате Северной Маньчжурии В.В. Солдатов.

Одним из первых решений общего собрания членов МСХО, принятых 3 июня 1912 г., стало поручение Совету Общества «всеми зависящими от него мерами добиваться от Управления дороги отвода в арендное пользование на продолжительные сроки и льготных условиях некоторого количества земли, удобной для хозяйственных целей, для общего выпаса скота и т. д.»⁷. Не найдя понимания в этом вопросе у руководителей КВЖД, члены Совета Общества посетили председателя Российской экспортной палаты (располагавшейся в Санкт-Петербурге на Невском пр., 92), члена Государственного совета и известного предпринимателя В.И. Денисова⁸, который выступил с поддержкой ряда начинаний Общества. В частности, в материалах канцелярии Приамурского генерал-губернатора сохранилась переписка с Переселенческим управлением и МСХО об учреждении Русско-маньчжурского колонизационного общества со специально финансирующим его колонизационным банком. 9 июля 1914 г. за подписью В.И. Денисова на имя главноуправляющего Землеустройством и Земледелием (ГУЗиЗ) было направлено письмо, в котором говорилось о необходимости «мирного экономического и культурного завоевания» Маньчжурии и Внешней Монголии, их присоединения к русским дальневосточным владениям. В письме также отмечалось: «С этой целью Россия в свое время приступила к сооружению железнодорожного пути от границ Забайкальской области через Монголию и Маньчжурию к Владивостоку и от Харбина на юг к крепости Порт-Артур»⁹.

«Назревшим и наиболее важным» в письме назывался вопрос русской колонизации Маньчжурии. Ключевым аргументом при этом стало напоминание о том, что в Южной Маньчжурии японцы уже основали колонизационное общество с колонизационным банком, имея задачей заселение Маньчжурии и закрепление ее за Японией. Россия же, по мнению авторов письма, в этом направлении «пока ничего не сделала». Более того, правление КВЖД сдавало земли в полосе отчуждения только на краткие сроки – 3–4 года, причем сдавало их «главным образом не русским, а китайцам»¹⁰. Для мелких русских хозяев-крестьян получить землю в полосе отчуждения было крайне трудно, а за полосой отчуждения – практически невозможно, поскольку китайцы земли русским сдавать отказывались. При этом иностранцы и японцы арендовали эти земли беспрепятственно¹¹.

⁶ Протокол годового общего собрания членов Маньчжурского сельскохозяйственного общества 9 февраля 1914 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1914. № 3–4. С. 8.

⁷ К истории Маньчжурского сельского хозяйства // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 1. С. 7.

⁸ Официальный отдел // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 6–7. С. 2.

⁹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 12.

¹⁰ Несколько слов о земельной политике в полосе отчуждения // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 2.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 12 об.

Авторы письма полагали, что разрешить данную задачу «возможно только соответствующим воздействием на Китайскую Восточную железную дорогу и учреждением русского колонизационного общества и банка, имеющих задачей заселить русскими земледельцами свободные пустопорожние земли в Северной Маньчжурии, число которых, по данным министерства земледелия Китая в тот момент определялось для Гиринской провинции в 20 500 000 десятин, а для Цицикарской провинции – в 36 000 000 десятин. Из них для земледелия было пригодно не менее 40 млн десятин. На этих свободных землях двух провинций Маньчжурии «могло бы быть поселено» не менее 100 000 семейств русских земледельцев»¹².

Развивая тезис о необходимости колонизации Северной Маньчжурии, авторы письма, направленного в ГУЗиЗ, отмечали высокое плодородие почв и благоприятные климатические условия: «климат теплый, влажный, засух не бывает». Действительно, в тот момент в районе полосы отчуждения КВЖД нормальным считался урожай 75–100 пудов с десятины¹³. Здесь можно было возделывать пшеницу, кукурузу, ячмень, кунжут, рис и другие культуры. В цитируемом письме отмечалось также, что «по климатическим условиям Северная Маньчжурия напоминает Юг России. Возможно самое широкое скотоводство». Тех, кто выступал за активную колонизацию Северной Маньчжурии, без сомнения, привлекала и дешевизна китайских рабочих рук. В письме говорилось: «Колонизовать Маньчжурию, при энергичном содействии нашего Правительства, не представлялось бы делом особенно трудным». При этом вполне естественной казалась мысль о том, что, заселенная русскими Северная Маньчжурия явилась бы «естественным этапом для дальнейшего развития восточных краев Сибири»¹⁴.

Однако колонизационные планы МСХО противоречили взглядам приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти относительно перспектив этого края. Представляют интерес замечания и комментарии, оставленные им 7 сентября 1914 г. на документе, исходившим из недр МСХО. На первой же странице текста он сделал ремарку: «Все это не так просто, как кажется. Китайцы сами начали колонизацию Маньчжурии, и с ними конкурировать не легко, если говорить о мелкой единице – земельной, если же говорить о крупных ... то пользы государству это не принесет, а лишь будет способствовать, благодаря вложению своих капиталов, колонизации Маньчжурии китайцами, так как рабочая сила будет только китайская». Русской колонизации края, по мнению Н.Л. Гондатти, будет препятствовать и то, что богатые земли располагаются «вдали от удобных средств сообщения»¹⁵.

22 января 1915 г. глава Приамурского управления государственных имуществ П.И. Делле направил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора письмо, в котором сообщал о документе за подписью председателя комитета Российской экспортной палаты от 9 июля 1914 г. (№ 1964) на имя Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием по вопросу о развитии русского земледелия в Маньчжурии и об учреждении Русско-Маньчжурского Колонизационного общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком. Приамурское управление государственных имуществ подготовило и направило в канцелярию для доклада Главному начальнику края свои соображения по сути этого вопроса. На полях данного документа Н.Л. Гондатти также оставил свои комментарии.

По мнению Приамурского управления государственных имуществ, пока Маньчжурия не присоединена политически к российскому государству, «нет смысла тра-

¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 13.

¹³ *Меньшиков П.* Об урожае хлебов в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях в 1913 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 24.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 13 об.

¹⁵ Там же. Л. 12.

тить и русских денег на культурное ее развитие так как это в конечном итоге принесет пользу лишь китайцам, с которыми борьба в области экономической русским не под силу, а в особенности в сельскохозяйственной промышленности, в которой китайский труд и предприимчивость уже заняли доминирующую роль на лучших и ближайших к экономическим пунктам землях (район долины реки Сунгари)»¹⁶. Напротив этого абзаца на полях оставлены чернильные пометы Н.Л. Гондатти: «Верно»; «Конечно»; «Надо поддерживать русский (неразборчиво. – М.Х.), ...а не Маньчжурию, которая является ему конкурентом. Если бы Маньчжурия принадлежала России, тогда дело другое. 23 января 1915 г.»¹⁷. Здесь со всей наглядностью проявилась позиция Н.Л. Гондатти в отношении поддержки российских производителей, которую он неоднократно демонстрировал на всех уровнях. Так, еще 24 декабря 1912 г. в секретном письме министру финансов и председателю Совета министров В.Н. Кокцову он высказался за ограничение ввоза на Дальний Восток дешевого маньчжурского хлеба, поскольку это должно было повлечь «...если не упадок, то полный застой в деле развития собственного производства»¹⁸.

Оценивая идею учреждения Маньчжурско-Русского Колонизационного Общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком и замечание Приамурского управления государственных имуществ о том, что это «...было бы несправедливым по отношению к русскому Дальнему Востоку, который подобным, столь важным культурным учреждением пока не располагает», Н.Л. Гондатти заметил: «Совершенно верно». Свое видение перспектив КВЖД Приамурский генерал-губернатор отразил в том месте документа, где говорилось, что до присоединения Маньчжурии КВЖД в экономическом отношении может быть «...лишь коммерческим предприятием, которое должно давать России при наименьших затратах возможно больший доход и в то же время поддерживать русскую торговлю, в отношении же политическом дорога эта должна обслуживать наши нужды лишь на случай войны. И только исходя из последних соображений может быть было бы желательно развить русское земледелие, в особенности огородничество, вблизи станций и полотна железной дороги, лишь в полосе отчуждения, на которой возможно вести правительственную политику в отношении русских предпринимателей». Помета Н.Л. Гондатти на полях была весьма красноречивой: «И то лишнее, так как кит. правит-во может выкупить дорогу, когда захочет»¹⁹.

Оценивая перспективы российской колонизации края, чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе М.П. Куренков в ответ на запрос о «о заселении русскими земледельцами свободных земель в Северной Маньчжурии» сообщал 26 января 1915 г. в канцелярию генерал-губернатора о том, что принятие с российской стороны каких-либо мер к проведению в жизнь данной меры «едва ли целесообразно...». Признавая, что Северная Маньчжурия «находится с сфере нашего влияния», он указывал, что «это не дает нам оснований игнорировать права Китая, как государственной единицы и совершенно свободно распоряжаться в пределах принадлежащей ему территории». К тому моменту сдача в аренду иностранцам Маньчжурских земель в принципе не допускалась. Обычно китайские власти просто выдавали иностранцам «билеты на право эксплуатации земельных угодий» – сенокосения, рубки леса, ломки камня и т.п. Такие билеты в районе, тяготеющем к КВЖД, выдавались преимущественно русским подданным. В этих условиях любая попытка «...использовать Маньчжурские земли по нашему усмотрению», на взгляд чиновника по дипло-

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 780. Л. 7 об.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 4 об.

матической части, должна была встретить вполне справедливый отпор со стороны китайского правительства. М.П. Куренков писал: «Возбужденный вопрос о заселении нашими земледельцами этих земель обречен, по-видимому, на гибель, тем более, что последние годы национальное самосознание китайцев принимает все более определенный характер и Китай пользуется каждым подходящим случаем, чтобы раз и навсегда освободиться от иностранного влияния во всех сферах своего государственного хозяйства вообще и, в особенности, в области землепользования, на какую китайское правительство в колонизаторских целях обращает исключительное внимание, и вопросу о заселении пустопорожних земель своей обширной территории придает кардинальное значение и с экономической и с политической точек зрения»²⁰. Вердикт чиновника был категоричным: «...Решение вопроса не представляется возможным»²¹.

7 февраля 1915 г. из канцелярии Приамурского генерал-губернатора в Переселенческое управление было направлено письмо. В нем отмечалось, что отношением от 14 августа 1914 г. Управление просило сообщить о заключении Главного начальника края по вопросу об учреждении Русско-Маньчжурского Колонизационного Общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком с целью заселения Маньчжурии русскими колонистами. Генерал-губернатор обратил внимание на две стороны вопроса – политическую и экономическую, повторив аргументы, сформулированные в записке чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе²², сочтя идею создания Колонизационного банка несвоевременной.

Смена ориентиров в деятельности МСХО

Казалось бы, вопрос о Северной Маньчжурии и ее русской колонизации можно было считать закрытым. Тем более, что в мае 1915 г. состоялась поездка в Пекин, Дайрен и Порт-Артур товарища председателя правления Общества КВЖД А.Н. Вентцеля. Представленный им после окончания визита доклад на имя министра финансов больше походил на разведывательное донесение, в котором была дана характеристика ряда государственных деятелей Китая (в том числе министра иностранных дел и министра путей сообщения). По оценке А.Н. Вентцеля, его везде принимали радушно, а президент Китайской республики подарил ему портрет с собственноручной надписью. Встречи превращались в «сплошное чествование», каждый шаг русской делегации фиксировался на фотографиях и киноплёнке, сопровождаясь газетными статьями. Японцы, как и китайцы, демонстрировали радушие, «поселили в лучшем отеле», устроили торжественную манифестацию, кричали «ура». Вывод, который был сделан А.Н. Вентцелем, свидетельствовал о стремлении «просыпающегося гиганта» к установлению «...политической солидарности между Россией и Китаем в дальневосточных делах, как противовеса Японии». Подтверждением тому была разработка русского проекта постройки железной дороги на Благовещенск, а также предпочтения, которые получали российские подданные на участие в освоении естественных богатств Цицикарской провинции и финансировании промышленных предприятий. Более того, генерал-губернатор Маньчжурии, по словам А.Н. Вентцеля, смог склонить правительственные сферы к тому, чтобы «поднять негласно вопрос о заключении секретного соглашения с Россией по делам Дальнего Востока»²³. Интересы России на ее дальневосточных окраинах требовали сохранения друже-

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 2–3.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 5–6.

²³ Там же. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 173–174.

ственных отношений и вполне определенного политического курса не только по отношению к Китаю, но и Японии.

Эта тема получила отражение и в секретной переписке российских министров. Так, предложение министра финансов П.Л. Барка «добиваться льгот для КВЖД», аналогичных тем, какие получили японцы, сумевшие продлить срок концессии на эксплуатацию Южно-Маньчжурской железной дороги до 2002 г., встретило противодействие министра иностранных дел С.Д. Сазонова²⁴. В ответном письме глава МИД поддержал мнение российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского, отметив неблагоприятную военно-политическую обстановку, связанную с поражениями России в 1915 г. на фронтах Первой мировой войны. В этой связи он предлагал «отложить наши домогательства... до наступления подходящих условий». При этом С.Д. Сазонов все же полагал, что Россия «при определенных условиях» могла бы, не прибегая к мерам давления, добиться продления до 99 лет срока железнодорожной концессии, сделав заявление китайскому правительству о том, что концессия КВЖД принадлежит российскому правительству, а не частному обществу. Это дало бы основание требовать ее продления «в виду того, что таковы права Японии на Южно-Маньчжурскую железную дорогу»²⁵.

Почувствовав изменения в политической конъюнктуре, переменяло тактику своих действий и МСХО. Уже 23 апреля 1915 г. его Совет направил на имя Приамурского генерал-губернатора письмо, в котором сообщал, что получил от Российской экспортной палаты отзыв Приамурского генерал-губернатора по поднятому Обществом вопросу. Отмечая, что он выступил против учреждения Колонизационного общества и банка для целей колонизации Маньчжурии, Совет МСХО заметил, что генерал-губернатор все же высказал «сочувствие идее нашего Общества» об организации подобных учреждений для русских Дальневосточных окраин. В письме говорилось: «При соединяясь к воззрениям... о вероятной преждевременности означенных учреждений в Маньчжурии, Совет Общества полагает, что вопрос о создании в помощь Переселенческому Управлению Колонизационного Общества с субсидирующим его Колонизационным Банком для обслуживания Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской областей имеет весьма существенное значение для колонизации и экономического процветания Края. В будущем, если бы изменилось наше положение в Маньчжурии в благоприятную сторону, таковое Общество и Банк могли бы расширить свою деятельность и на Маньчжурию»²⁶. Таким образом, МСХО решило отложить на время вопрос о русской колонизации Маньчжурии и содействовать делу развития экономики Дальнего Востока.

В этой связи Совет МСХО просил генерал-губернатора «возбудить перед подлежащими властями означенный выше вопрос», изъявив готовность «возможными для него средствами» способствовать разработке проблемы, «если бы таковое содействие понадобилось»²⁷. Не дожидаясь окончательного решения вопроса «сверху», МСХО 11 июля 1915 г. направило в канцелярию Приамурского генерал-губернатора очередное письмо, сообщая о том, что «Учреждение Колонизационного общества и Банка сельско-хозяйственное общество считает за большую честь взять на себя». К тому моменту для выработки устава Колонизационного общества и Банка уже была избрана специальная комиссия, которая приступила к работе. Именованную новую структуру предполагалось «Русским обществом заселения Дальнего Востока (или Приамурья)». Был очерчен и район его действия: Забайкальская, Приморская, Сахалинская,

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 193–194.

²⁵ Там же. Л. 199–200.

²⁶ Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 11.

²⁷ Там же. Л. 11 об.

Камчатская и Амурская области, Маньчжурия и Восточная Монголия. Объявлялась и цель общества – «всеми мерами способствовать Переселенческому управлению в деле скорейшего и прочнейшего заселения русскими подданными Дальнего Востока, а также в этих целях содействовать развитию на Дальнем Востоке сельского хозяйства, торговли и промышленности»²⁸.

Предполагалось, что создаваемое Общество будет частным учреждением. Финансирующей его банк также виделся частным, но с субсидией от казны. Было предложено и название банка – «Русский земельный и торгово-промышленный Дальневосточный Банк», средства которого должны были складываться из акционерного капитала, облигаций и субсидий казны. Местонахождения Общества и банка предполагалось или в Хабаровске (как резиденции генерал-губернатора), или в Петрограде. Отделения Общества и банка планировалось организовать во всех крупных городах, входящих в район действия Общества. Проекты устава Общества и банка планировалось представить Советом Общества в канцелярию генерал-губернатора «тотчас же, как будут закончены разработкой»²⁹.

Находившийся в Хабаровске управляющий госимуществом Приамурского края П.И. Делле 5 августа 1915 г. представил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора письмо, в котором сообщал о том, что вопрос об учреждении Колонизационного общества с банком представляется в интересах колонизации Приамурья крайне желательным. Для обсуждения этого вопроса после предварительной разработки компетентным лицом вопроса о банке было предложено образовать во Владивостоке особое совещание с приглашением представителей как заинтересованных ведомств, так и общественных организаций и отдельных слоев населения. Задачей как Общества, так и банка провозглашалось содействие сельскохозяйственной и промышленной колонизации края. Общество при поддержке банка должно было организовывать как сельскохозяйственные, так и промышленные предприятия, а затем передавать их в частные руки, получая в свою пользу сравнительно небольшие проценты прибылей сверх затрат, а также оказывать содействие за скромное вознаграждение частным лицам по организации сельскохозяйственных и промышленных предприятий не только денежными средствами, но и техническими силами. Капитал банка планировалось собрать акционерным порядком, но при условии гарантий со стороны правительства и с неременным участием его представителей, как в распорядительных действиях банка, так и, главным образом, в строгом контроле³⁰. Однако вступление России в Первую мировую войну и поражения на фронтах значительно сузили возможности колонизации края.

Выводы

Участие Колонизационного общества и банка в развитии экономики российского Дальнего Востока не исключало их деятельности и в Маньчжурии, где не только российские промышленные и коммерческие структуры, но и капиталистические сельскохозяйственные предприятия в начале XX в. имели некоторые шансы для успешного развития и конкуренции с китайцами. Непреодолимым препятствием на этом пути стала слабая заселенность края российскими подданными.

По оценкам Амурского рабочего бюро, «сентябрьская мобилизация 1915 г. ослабила и без того ничтожный контингент местной рабочей силы», способствовал свободному допущению «желтого труда» не только на Дальнем Востоке³¹, но и в Евро-

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 8 об.

³⁰ Там же. Л. 9.

³¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 294. Л. 9.

пейской России³². Более того, резкое сокращение количества переселенцев, острая нехватка рабочих рук во всех отраслях привела к активному использованию в экономике региона дешевого труда военнопленных. Данные Переселенческого управления свидетельствовали о том, что для работ по линии министерства земледелия только в Амурском районе в 1916 г. требовалось 4 тыс., а в Приморском – 3 тыс. военнопленных³³.

Планам «наследников А.М. Бозобразова», отстаивавшим идеи активного освоения земель не только в полосе отчуждения КВЖД, но и во всей Северной Маньчжурии, не суждено было осуществиться. История МСХО, таким образом, подтверждает мысль, высказанную рядом современных исследователей, о незавершенности к началу XX в. колониционных процессов и особенностях модернизации Азиатской России.

Рукопись поступила: 15 апреля 2020

Submitted: 15 April 2020

Библиографический список

- Белоглазов Г.П.* Научно-образовательная деятельность аграрных обществ в Маньчжурии в первой трети XX столетия // Образовательный потенциал Тихоокеанской России. XVIII–XXI вв. (Восьмые Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток: «Дальнаука», 2017. С. 238–245.
- Деникин А.И.* Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава: Офицерская жизнь, 1908. 55 с.
- Заколотная А.С.* Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: Рея, 2015. С. 99–119.
- Зиновьев В.П.* Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVIII – начале XX вв. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск: Рипэл плюс, 2007. С. 26–34.
- Куропаткин А.Н.* Китайский вопрос. СПб.: Новое Время, 1913. 224 с.
- Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Меньшиков П.* Об урожае хлебов в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях в 1913 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 23–25.
- Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 191–203.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Наука, 2013. 248 с.
- Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д.И. Суботича к Военному министру А.Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель: Ревельские известия, 1908. 53 с.
- Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1912. 497 с.
- Ходяков М.В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.
- Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.
- Хисамутдинов А.А.* Естественнонаучные исследования русских ученых-эмигрантов в Северном Китае (первая половина XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2016. № 1. С. 99–107.
- Шлювский М.В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2008. С. 648–653.

³² *Ходяков М. В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.

³³ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 335. Л. 1.

Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.

References

- Beloglazov, G.P. "Nauchno-obrazovatel'naya deyatelnost' agrarnykh obshchestv v Man'chzhurii v pervoy treti XX stoletiya." In *Obrazovatel'nyy potentsial Tikhookeanskoy Rossii. XVIII–XXI vv. (Vos'myye Krushanovskiye chteniya, 2016 g.)*, 238–245. Vladivostok: «Dal'nauka» Publ., 2017 (in Russian).
- Denikin, A.I. *Russko-kitayskiy vopros. Voyenno-politicheskiy ocherk*. Varshava: Ofiterskaya zhizn' Publ., 1908 (in Russian).
- Khodjakov, M.V., and Chzhao, Ch. "Chinese Labor Migration to Russia during the First World War." *Modern History of Russia*, no. 1 (2017): 7–30 (in Russian).
- Khodjakov, M.V. "Yellow Russia" of the late 19th – early 20th Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite." *Modern History of Russia* 8, no. 4 (2018): 880–897 (in Russian).
- Khisamutdinov, A.A. "Natural science research of Russian emigrant scientists in North China (first half of the twentieth century)." *Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*, no. 1 (2016): 99–107 (in Russian).
- Kuropatkin, A.N. *Kitayskiy vopros*. St. Petersburg: «Novoye Vremya» Publ., 1913 (in Russian).
- Lukoyanov, I.V. *'Ne otstat' ot derzhav...'* Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008 (in Russian).
- Men'shikov, P. "Ob urozhaye khlebov v Kheyluntszyanskoy i Girinskoy provintsiyakh v 1913 g." *Sel'skoye khozyaystvo v Severnoy Man'chzhurii*, no. 4–5 (1913): 23–25 (in Russian).
- Poberezhnikov, I.V. "Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya." *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, no. 4 (2011): 191–203 (in Russian).
- Remnev, A.V., and Suvorova, N.G. *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskiye i natsional'nyye stsenerii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka*. Omsk: Nauka Publ., 2013 (in Russian).
- Shilovskiy, M.V. "Geopoliticheskaya znachimost Aziatskoy Rossii dlya Rossii v XVII – nachale XX vv." In *Rossiya mezhdu proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, 648–653. Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii URO RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Subotich, D.I. *Zadachi Rossii na Dal'nem Vostoke: pis'mo generala D.I. Suboticha k Voyennomu ministru A.N. Kuropatkinu v 1903 godu*. Revel': Revel'skiye izvestiya Publ., 1908 (in Russian).
- Unterberger, P.F. *Priamurskiy kray. 1906–1910*. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma Publ., 1912 (in Russian).
- Yanchenko D.G., Starovoytova Ye.O. Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi posle Russko-yaponskoy voyny: regional'nyy aspekt i peterburgskaya politika // Noveyshaya istoriya Rossii. 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.
- Zakolodnaya, A.S. "Osnovnyye napravleniya deyatelnosti Pereselencheskogo Upravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1916)." In *Vglyadyvayas' v proshloye: Mirovyye voyny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii*, 99–119. Vladivostok: Reya Publ., 2015 (in Russian).
- Zinov'ev, V.P. "Sovremennaya istoriografiya khozyaystvennogo osvoyeniya Sibiri v XVIII – nachale XX vv." In *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom osvoyenii Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka*, 26–34. Novosibirsk: Ripel plyus Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Mikhail V. Khodjakov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Modern History of Russia Department, Saint Petersburg State University.